

ДЕНЬ ДОБРЫХ ДЕЛ

Счастливики из 5 «Б»

Перед последним уроком в наш класс влетела президент школьного самоуправления, десятиклассница Оля Рябушкина.

— Английского не будет, — сказала она. Что тут началось!

Кто-то от радости стал подбрасывать шапки, кто-то подпрыгивал, кто-то орал на разные голоса. А Витька с таким пылом вскочил со стула, что тот с грохотом опрокинулся.

— Тихо! — пыталась перекрычать ликующую толпу Оля. — У меня объявление!

Но все было бесполезно.

Все орали, прыгали, подбрасывали шапки до тех пор, пока в классе не появилась завуч школы.

— Что за рев? — Все разом притихли. — Успокоились! Заняли свои места! Вьюнов, —

это она Витьке, — подними стул и сядь как человек! Чего вы орете? К вам президент школьного самоуправления пришел, с объявлением, между прочим, а вы... Да и вообще, разве вы не знаете, какой сегодня день?

— День работников общественных туалетов! — выкрикнул Ослоухов.

— Не смешно, Ослоухов, — сказала завуч. — Сегодня — День добрых дел. А потому будьте добры, послушайте, что вам скажет Оля. И ни звука! Учтите, я все слышу!

Завуч ушла, а Оля продолжала:

— Итак, сегодня День добрых дел. А это значит, что каждый класс должен взять над кем-нибудь шефство. Конечно, лучше всего было бы найти какого-нибудь ветерана Великой Отечественной войны...

— Ну и где мы возьмем ветерана? — прогудел отличник Кельманов. — Война же давно закончилась, их уже и не осталось!

— Вот и я о том же. Поэтому я приготовила список участников боевых действий в горячих точках...

В этот момент дверь приоткрылась, в образовавшемся проеме мелькнуло чье-то лицо, и Оля вышла в коридор.

— Да ты что? — послышался ее радостный возглас. — Вот это удача! Конечно я дам это пятому «Б», кому же еще!

Оля вернулась в класс.

— Вы просто счастливички! — воскликнула она. — Мне только что принесли адрес старушки, которая в Великую Отечественную вой-

ну принимала участие в партизанском движении! Когда началась война, ей было столько же лет, сколько теперь вам. У вас появилась просто уникальная возможность познакомиться с бывшей партизанкой, помочь ей по хозяйству. Кто хочет пойти?

Оля, наверное, думала, что сейчас начнется битва за возможность сходить к участнице партизанского движения, но все молчали.

Я поднял руку и тут же... отпустил. Потому что оказалось, что только я один ее поднял.

— Как же так... — растерянно произнесла Оля. — Я бы на вашем месте вприпрыжку бы побежала. — Она на минуту замолчала. Оглядела класс и решительно произнесла: — Тогда

я сама назначу тех, кто пойдет к участнице партизанского движения. Так... К ней пойдут Коржикова, Купцов, Бронникова, Синицын, Вьюнов (ура, это мы с Витькой, обрадовался я) плюс... Авоськина, Никонов, Смирнов, Кельманов...

— Как Кельманов? — раздался возмущенный возглас. — Я — отличник! Мне уроки делать надо!

— А у меня — музыка!

— А у меня — фигурное катание!

— Ничего не понимаю! Неужели нельзя один раз пожертвовать своим личным временем? — рассердилась Оля.

— А, один раз, — сказал Кельманов, — ну один-то раз можно.

Он сидел передо мной, и его спина медленно раскачивалась из стороны в сторону. Потом приняла почти горизонтальное положение и замерла. Наверное, он рисовал что-то в тетради.

Впрочем, все сейчас опять занимались, чем вздумается, только тихо. Мальчишки плевались бумажными шариками, девчонки перебрасывались записками и хихикали. Некоторые, достав телефоны, углубились в игру или писали эсэмэски. Время от времени раздавался писк, похожий на писк комара — это смеялась писклявая Вероника.

— Так, слушайте внимательно! — повысила голос Оля. — Думаете, вы у меня одни? В общем так. Руководителем акции назначается Вероника, помощником — Кельманов.

Кельмановская спина вздрогнула и мгновенно приняла вертикальное положение. Он приосанился.

— Итак, вот адрес, — Оля протянула Веронике бумажку. — Работать без лишних разговоров, чтобы не отвлекаться. И все записывать. Вероника, ты знаешь, как вести протокол. А теперь отправляйтесь на задание!

И мы отправились.

Тайна старого письма

Мы шли, а небо над нами было голубое-голубое, без единого облачка, а листья под ногами — желтые и коричневые. Засохшие и шуршащие. По этим шуршащим листьям мы и шли делать добрые дела. И это было здорово! Только вот Кельманов все портил.

— На добрые дела — вперед! — гнусным голосом орал он. — К участнице партизанского движения!

Слова-то вроде хорошие, а вот орал он противно. Даже прохожие оборачивались.

Наконец мы дошли до нужной квартиры, и Кельманов нажал на кнопку звонка.

— Не заперто, проходите! — послышалось из-за дверей.

В просторной светлой комнате в стареньком кресле сидела совершенно седая бабушка. А прямо над ней на стене, в рамочке, висела небольшая черно-белая фотография, с которой улыбалась девочка с тоненькими косичками,

наша ровесница. Фотография, конечно, была неважная, нечеткая, расплывчатая, но все равно было видно, как задорно улыбалась девочка, как будто бы говорила: «Как здорово, что вы пришли!»

— Вы ко мне? — удивилась бабушка и тоже улыбнулась. И сразу же стала похожа на девочку с фотографии.

И тут я заметил, что в руках она держит пожелтевший от времени листок бумаги, на котором было что-то написано. А рядом с креслом лежал настоящий бумажный конверт, также пожелтевший от времени.

— Да, мы к вам, — растерянно ответила Вероника и посмотрела на Кельманова. Так, будто бы спрашивала о чем-то взглядом. Кельманов пожал плечами и отвернулся. Теперь все смотрели на Веронику, Вероника — на Кельманова, а Кельманов не отрывал взгляда от окна. До меня дошло: никто из нас не знает, как звать эту бабушку, Оля так торопилась на следующее мероприятие, что забыла нам об этом сказать!

И точно!

Вероника покраснела и сказала:

— Простите... мы забыли, как вас звать... Мы по дороге...

— Ничего страшного! — ответила старушка. — Зовут меня Светлана Петровна. Но вас-то как много, ребятки! Мне ж и посадить-то вас некуда!

Я видел, что она радуется, и радуется от того, что ей есть теперь кому рассказать о письме, которое у нее в руках.

— А мы не сидеть пришли! — громко сказала Вероника. — Мы пришли трудиться. Ведь сегодня — День добрых дел. Скажите, чем вам помочь?

— Да ничего, ребятки, не надо, — разулыбалась Светлана Петровна. — Мне соседи помогают. Спасибо, что пришли. А я вот только сейчас прочитала, — она показала на письмо, которое держала в руках, — что командир отряда, который был смертельно ранен, оказал-ся...

Вот это здорово! У меня аж дыхание перехватило — так не терпелось узнать, что же все-таки случилось с их командиром? Выходит, он был вовсе не смертельно ранен, а...

— Но мы не можем так уйти, — перебила ее Вероника. — У нас мероприятие. Ну, в рамках Дня добрых дел... — Я почувствовал, что краснею. — Вы скажите, что нужно сделать, и мы быстренько сделаем. Вон нас как много! Может, в магазин сходить или в аптеку?

— В аптеку? — как-то грустно повторила участница партизанского движения. — Ну что ж, сходите в аптеку. Рецепт на телевизоре. Так вот, письмо пришло, — продолжала Светлана Петровна, — спустя почти семьдесят лет... И вот, оказалось, что...

Я перестал дышать. И все, наверное, перестали дышать — стало так тихо, что было слышно, как бьется о стекло муха. И все, наверное, мечтали только о том, чтобы Вероника не перебивала Светлану Петровну. Однако, этого не случилось.

Придем в школу с протоколом

— Значит так, — сказала Вероника. — В аптеку идут Купцов, Коржикова. Бронников, Кельманов...

— Как Кельманов? — закричал отличник. — Я — ответственное лицо! Я твой заместитель, ты что, забыла?

Он запыхтел, отошел от Вероники и встал рядом со мной.

Все молчали. Молчала и Светлана Петровна.

— Ну что, пойдете, что ли, в аптеку, — сказал Купцов и направился к дверям. Человек пять двинулись за ним. В комнате стало просторнее.

Вероника достала из рюкзака блокнот и стала что-то строчить.

Я заглянул через плечо. Нехорошо, конечно, заглядывать через плечо, но я заглянул. И прочитал.

«В аптеку пошли:

Купцов

Коржикова

Бронникова

Кельманов (идти отказался...)

Спи...»

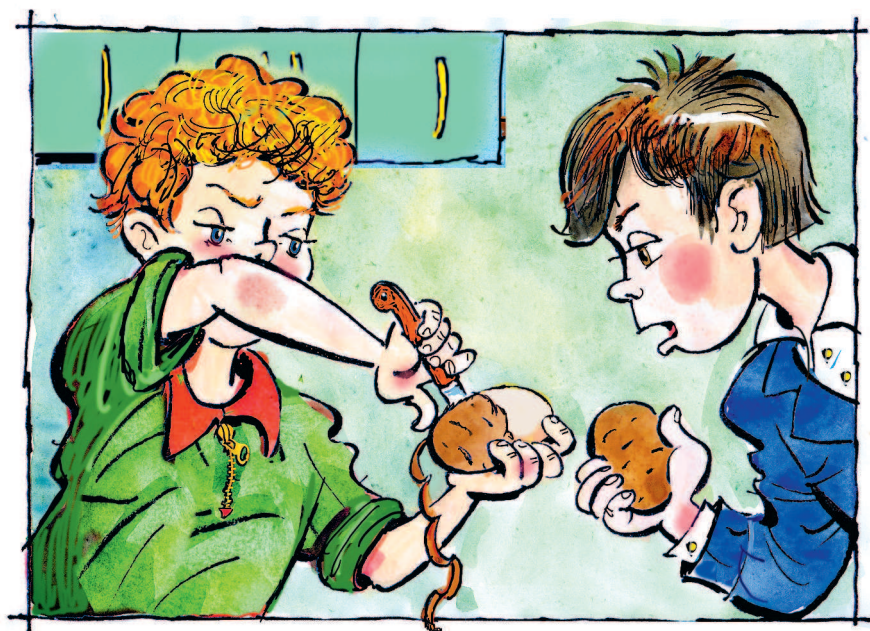
— Зачем ты это пишешь? — тихо, чтобы не услышала Светлана Петровна, спросил я.

— Протокол веду, — пискнула Вероника. Потом сердито посмотрела на меня и добавила: — Что уставился, Синицын? Делать нечего? Идите вот на кухню с Вьюновым картошку чистить. Светлана Петровна, вам сколько картошин почистить? Две или три?

— Две, наверное, хватит, — чуть слышно ответила участница партизанского движения, и вид у нее стал совсем поникший.

«Ну уж нет! — подумал я. — Пусть этот наш писклявый генерал делает что хочет, но я сам сейчас подойду и попрошу Светлану Петровну рассказать и о командире, и об их партизанском отряде».

Я сделал шаг вперед и тут же был остановлен Вероникой.

— Синицын, — сказала она металлическим голосом, — что ты тут самодеятельность устраиваешь? Тебе что сказано делать? Чистить картошку! Вот и иди в кухню!

Я взглянул на Веронику и понял, что спорить с ней бесполезно. А Светлана Петровна от нашего спора расстроится еще больше.

— Знаешь, — сказал Витька. — Давай почищем не две картошки, а, например, четыре. Светлане Петровне на два раза хватит.

И тут мне стало стыдно. Мне ведь никогда не приходилось чистить картошку! Я даже не представляю, как это делается!

— Ерунда, — ответил Витька, узнав об этом. — Я за тебя почищу. Я это быстро делаю.

И правда — от его рук прямо-таки отскакивали почищенные картофелины — одна, две... шесть, восемь...

В кухню вошла Вероника.

— Ну вы даете! — она стала считать картошины. — Целых восемь! Так и запишем. — Она открыла блокнот и занесла над ним ручку. — Та-ак... Вместо двух картошин начистили восемь... Отметим... Синицын...

— Не надо, — сказал Витька, — не пиши.

— Как это — не пиши?

— Так это же мы так, от себя. Подарок.

— Тем более, — сказала Вероника и продолжила что-то строчить в блокноте.

Что нужно ветерану

Мы вернулись в комнату. Здесь кипела работа: Авоськина и Петров вытирали подоконник, Никонова — зеркало, несколько человек спорили, кому мыть пол.

Участница партизанского движения все так же сидела в кресле с поникшим видом и держала в руках письмо.

— Слышь, Витьк. Может, все-таки поговорим со Светланой Петровной?

— Давай, — прошептал он.

Но в этот момент распахнулась дверь, и на пороге появились те, кто ходил в аптеку, а из ванной с ведром вышел Кешка.

— Вы бы все меня на улице подождали, а? — сказал он. — Пол надо помыть.